

Проблема казачьей самоидентификации в идеологии националистов Донской области⁶⁰⁸

В современной историографии вопрос о том, что же такое казачество, во многом приобрел уже характер риторического. Даже если, учитывая все многообразие казачьих групп⁶⁰⁹, ограничиться только донским казачеством, вопросы о его происхождении, этнической принадлежности и социокультурной сущности остаются проблемными до сих пор. Особенно актуальной эта тема стала в 1990-х гг., когда шел активный процесс «возрождения» казачества⁶¹⁰. Немало копий сломано в спорах о том, было ли это только военно-служилое сословие в рамках социальной структуры российского имперского общества, или же казаки представляли собой отдельный народ. Некоторые исследователи уверенно заявляют, что «современная наука определяет казачество как субэтнос»⁶¹¹.

Кризис казачьей идентичности, основанной на традиционных ценностях, которые не предполагали четкого разделения между этничностью и сословностью⁶¹², обнаружился в период проведения Великих реформ 1860–1870-х гг., когда стало ясно, что рано или поздно казачество как военно-служилое сословие станет ненужными Российскому государству. Это означало, что при сохранении сословных категорий как основополагающих казачеству угрожало упразднение на тех же основаниях, что и сословию кантонистов в 1857 г. — за утратой необходимости в нем. Население Дона в таком случае было бы приведено к «общему знаменателю» с населением внутренних губерний.

⁶⁰⁸ См.: Корниенко Б. С. Русское казачество или казацья нация? Проблема самоопределения в идеологии казачьего национализма начала XX века // Клио. 2011. № 1 (52). С. 3–11.

⁶⁰⁹ См.: Маркедонов С. М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казацких сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108.

⁶¹⁰ См.: Возрождение казачества: история и современность...; Возрождение казачества (история, современность, перспективы)...; Козлов А. И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-н/Д., 1996; Возрождение казачества: надежды и опасения. М., 1998.

⁶¹¹ Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. Ростов-н/Д., 1995. С. 132.

⁶¹² См.: Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: веги историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 121–162.

Подобный сценарий вполне серьезно обсуждался в период военных реформ, проводимых под руководством Д. А. Милютин⁶¹³. Тем не менее консервативное движение «казакоманов», выступивших против угрозы «расказачивания» и «записи казаков в драгуны»⁶¹⁴, за неимением альтернативы продолжало оперировать в своей пропаганде традиционными сословными категориями, защищая прежде всего «старинные права и привилегии».

При Александре III «казачий вопрос» был фактически заморожен и движение «казакоманов» сошло на нет. Но к началу XX в. модернизационные процессы зашли так далеко, что вопрос о целесообразности дальнейшего выделения значительных территорий, к тому же богатых природными ресурсами, для содержания военной силы сомнительного, как многим представлялось, качества неизбежно должен был быть поднят вновь. К этому времени число сторонников интеграции Донской области в общероссийское социально-экономическое пространство значительно возросло, особенно среди местного дворянства⁶¹⁵, чему способствовали изменение политической ситуации в результате революции 1905–1907 гг., а также наплыв иногороднего населения, превысившего по численности собственно казаков и начавшего проявлять недовольство своим неполноправным положением.

В таких условиях новая активизация охранителей казачества была неминуема, и в период атаманства Ф. Ф. Таубе «правый Дон» приобрел более или менее четкие очертания. Однако возникшее в его рамках националистическое движение оказалось расколото — и именно в связи с разной трактовкой казачьей идентичности.

Основным вопросом, разделившим новочеркасских националистов на два враждующих лагеря, стало выяснение соотношения между казачеством с одной стороны, Российским государством в целом и русским народом в частности — с другой; иначе говоря, решение вопроса о самоопределении казачества как особой группы. От того или иного ответа на этот вопрос зависело как оформление смыслового ядра идеологического проекта, так и его практическое осуществление в политическом пространстве. Диапазон возможных решений простирался от безоговорочного признания казаков частью русского народа до придания им статуса самостоятельного народа/нации. Первый вариант означал бы отказ от какой бы то ни было казачьей особенности, а значит, и от сословных прав и привилегий. Второй вариант подразумевал смену объекта лояльности и, как следствие, вел к сепаратизму

⁶¹³ См.: *Маркедонов С. М.* Донское казачество и Российская империя...

⁶¹⁴ Там же. С. 108.

⁶¹⁵ Именно местное дворянство активно выступало за введение на Дону земства по общероссийскому образцу. См.: *Волвенко А. А.* Восстановление донского земства...

и к той же утере атрибутов военного сословия — самостоятельная казачья нация не могла бы себе позволить такую социальную организацию. Но новочеркасские националисты из обоих лагерей не стремились порывать с Россией, так же как не желали с ней сливаться, и уж меньше всего им хотелось отказываться от маскулинного статуса воинской общины. В результате идеологические проекты тех и других должны были одновременно учитывать все эти ограничения, а потому получились во многом схожими. Но акценты все же оказались расставлены по-разному.

Взгляды донских националистов на проблему самоопределения были особенно неопределенными, различные конструкты использовались хаотично и зачастую противоречили друг другу. Во многом это объясняется тем, что хотя вопрос национальной принадлежности казачества стоял очень остро, он оставался неартикулированным. Поэтому идеологические усилия в этом направлении предпринимались как бы в качестве фона к более очевидным проблемам сиюминутного характера, таким как парламентские выборы или внешнеполитические события. Понятием «русский народ» донские националисты оперировали без каких-либо уточнений, не стремясь его как-то концептуализировать в расовых или культурных терминах⁶¹⁶. Само понятие при этом было, безусловно, положительным, и лояльность к России как к русскому государству не подлежала сомнению, доказательством чему служат многочисленные публикации в «Донских ведомостях» на общероссийские и международные темы, которые были написаны с прорусских позиций. Более того, в подобных статьях газета явно пропагандировала русский национализм, например: «Мировая волна национализма разбудит и русский народ. В том-то и состоит главная задача русского национализма, чтобы не дать разбиться России на государство национальностей, а, напротив, создать крепкое сознанием своего единства национальное государство, с единой государственной нацией»⁶¹⁷.

Как видим, донские националисты считали своей идеологией именно русский национализм и, говоря о единой нации, тем самым включали казачество в ее состав, что подтверждается их собственными высказываниями: «сыновья “Тихого Дона”, <...> вспомните великое прошлое своих предков, сплотитесь, как встарь в одну семью, в одну могучую русскую семью!»⁶¹⁸; «Дорога Дона рядом, бок о бок

⁶¹⁶ Между тем среди идеологов русского национализма из стана ВНС не было единого мнения относительно того, кто же такие русские. Наряду с культурными существовали и расовые определения. См.: *Могильнер М.* Homo imperii... С. 237–278.

⁶¹⁷ [Янов Г. П.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 13 мая 1912. № 100.

⁶¹⁸ [Янов Г. П.] Редакционная статья // Там же. 1 января 1912. № 1.

с Россией»⁶¹⁹. Таким образом, когда разговор шел о взаимоотношениях с другими государствами или с внутренними инородцами, донские националисты считали себя русскими и выступали с позиций русского национализма. Но когда дело доходило до обсуждения регионального значимых вопросов, актуализировалась казачья идентичность, и тогда взаимоотношения казаков с русским народом определялись довольно противоречиво. Появление в одном и том же стихотворении выражений «я донской казак» и «я русский» в этом смысле характерно⁶²⁰.

Повторяя легализованный атаманом Ф. Ф. Таубе лозунг «Дон — для донцов», донские националисты пытались снять его экстремистский подтекст за счет включения в общий контекст губернского патриотизма: «В любой губернии принято открыто говорить “тверская губерния для тверяков”, “костромская для костромичей” и т. д.»⁶²¹ Однако противоречия, как экономические, так и культурные, между казаками и иногородними давали о себе знать, и это разделение довольно отчетливо прослеживается в публикациях, касавшихся непосредственно донских дел. Типичным примером может служить статья «Смыкайте ряды» главного редактора «Донских ведомостей» Г. П. Янова. В ней он говорил о русских как о «Других»: «У нас население смешанное, но близкое нам по духу (говорю о русских)»; и тут же писал, что донских казаков «связывает с Русью не *подданство* [курсив автора. — Б. К.], а чувство единое, одна кровь, одна душа, одни жертвы»⁶²². Такая неопределенность свидетельствует в пользу наличия соперничающих и взаимно налагающихся идентичностей. С одной стороны, Янов отождествлял казаков с русскими, причем и в биологическом (одна кровь), и в культурном (одна душа), и в историческом (одни жертвы) измерениях, но с другой стороны, при переходе от общероссийских вопросов к местным сословное мышление брало верх, и он проводил явную границу между казаками и иногородними.

Иными словами, признавая, что казаки относятся к русским как часть к целому, выражением чего служило такое расплывчатое понятие, как «русские люди казаки», Г. П. Янов в то же время наделял их особым статусом, который заключался в военном служении казачества во имя интересов России и русского народа: «В Японии есть — Самураи, на Балканах — черногорцы, в Турции — Янычары, в Англии Шотландские

⁶¹⁹ [Янов Г. П.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 6 января 1912. № 5.

⁶²⁰ Кузнецов С. Я — русский // Там же. 28 июля 1910. № 159.

⁶²¹ Журналист. Дон для донцов... Впрочем, сравнение Дона с внутренними губерниями нельзя назвать типичным для взглядов местных правых, которые считали одной из главных угроз казачеству именно превращение ОвД в рядовую губернию.

⁶²² Янов Г. Смыкайте ряды...

стрелки, в Германии Баварские батальоны, во Франции Вандейцы и Зуавы, — в России доблестные Казаки»⁶²³. Хотя в тех параллелях, которые провел Янов, сословные категории перемешаны с этническими, весь текст статьи не оставляет сомнений в том, что автор имел в виду не народ на военной службе, а военное сословие, необходимость существования которого обосновывалась общенациональными интересами: «Казачество имеет право на свою экономическую обособленность, на свое, пусть даже эгоистическое благополучие, ибо оно даст силы <...> как всегда в нужный момент, несокрушимо, победно выступить на защиту общего экономического блага всего *русского государства*. <...> в горячей защите казачьих интересов нет даже малейшего оттенка сепаратизма, вражды к единому православному русскому народу, ибо в своей личной материальной жизни каждый защищает сам себя»⁶²⁴. Как видим, объектами лояльности в данном примере служат именно русское государство и русский народ и сама необходимость сохранения казачества (то есть его прав и привилегий) объясняется нуждами всей России. Впрочем, стоит отметить и характерную оговорку об отсутствии враждебных настроений по отношению к русским, что делает сомнительным декларируемое единство, так как такая вражда сама по себе предполагает разделение. Иными словами, автор, вольно или невольно, сам выводил казачество за рамки «единого русского народа».

Таким образом, общее идеологическое направление «Донских ведомостей» может быть охарактеризовано как симбиоз русского национализма с «казакоманством». Такой вывод подкрепляется заявлением самой редакции газеты (на тот момент главным редактором был Х. И. Попов), поставившей себе задачу «содействовать, по мере сил, русскому национальному возрождению» и «поддерживать в то же время старые заветы донского казачества»⁶²⁵. Казачество, стало быть, хотя и наделялось особым, отделявшим его от остального населения статусом, который должен был обеспечить донцам сохранение «прав и привилегий», все же признавалось частью русского народа. Поэтому, когда был создан Донской Союз Националистов, прилагательное «донской» означало не этнокультурную, а только территориальную принадлежность.

Теперь обратимся к казачьим националистам, чьи взгляды во многом были схожи со взглядами их конкурентов из «Донских ведомостей», но в то же время имели ряд примечательных особенностей, позволяющих определять их идеологию не как вариант русского

⁶²³ Янов Г. Вам лучше видно...

⁶²⁴ Там же.

⁶²⁵ [Попов Х. И.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 5 января 1911. № 3.

национализма, а как самостоятельный национализм. Лидером и главным идеологом казачьих националистов был С. А. Холмский, который, едва уйдя на льготу⁶²⁶ в 1910 г., активно включился в общественную жизнь Дона, и его позиция по вопросу определения национальной принадлежности казаков уже тогда отличала его от доминирующей группы донских националистов. Еще до разрыва с «Донскими ведомостями» и создания «Голоса казачества» С. А. Холмский издал «Сборник казачьих песен», который снабдил пространными комментариями. В них он фактически отделял казаков от русских, утверждая, что казачество добровольно присоединилось к «родственному Русскому народу»⁶²⁷. То есть казаки — это отдельный, хотя и родственный русскому, народ, который только по своей воле вошел в единое с ним политическое пространство (а значит, может и снова отделиться!). Само казачество С. А. Холмский определял, как «самобытное общество, крепкое своими военными и гражданскими понятиями, своим единством образа мыслей и, главное, любовью и уважением к родной славной старине в ее идеальных прекрасных образах»⁶²⁸. Такое определение позволяло С. А. Холмскому заявлять даже о «целой нации» казаков⁶²⁹, которая, однако, не противопоставлялась русской нации, а как бы дополняла ее и подразумевала исключительно культурно-исторические различия.

Подобное внутреннее противоречие характерно для всего дискурсивного корпуса казачьего национализма «группы Холмского». В «Голосе казачества» отсутствовала активная пропаганда самостоятельности казачьей нации. Более того, уже в первом номере «Голоса казачества» его издатели указывали, что журнал посвящен «специально нуждам и интересам русского казачества»⁶³⁰. Это, казалось бы, недвусмысленно говорит о том, к какому из вариантов национального самоопределения склонялась «группа Холмского», тем более что в последующих номерах казаки не раз представляли в образе защитников России, ее «славных сынов»⁶³¹. Если судить только по таким выражениям, то можно прийти к выводу, что «казачьи националисты» считали себя русскими, а потому неоправданно само выделение некоего казачьего национализма. Но в действительности ситуация была

⁶²⁶ Льгота — период, когда военнообязанный казак не нес непосредственной строевой службы.

⁶²⁷ Холмский С. А. Сборник казачьих песен. С. I.

⁶²⁸ Там же. С. II.

⁶²⁹ Там же.

⁶³⁰ Голос казачества. 1 октября 1911. № 1.

⁶³¹ См., например: Казак И. Чига. Казачеству (стихотворение казака Старочеркасской станицы) // Голос казачества. 1 октября 1911. № 1.; Пузанов В. Старое и современное казачество...

несколько сложнее. Как и в случае с донскими националистами, С. А. Холмский и его соратники весьма сочувственно относились к российской государственности и русскому народу, бывшими для них безусловными ценностями. Однако одновременное подчеркивание особого статуса казачества носило более резкий по сравнению с «Донскими ведомостями» характер и выходило за рамки сугубо словесных установок.

В качестве примера разберем уже упоминавшуюся статью некоего «А. Г.» «Казачий национализм». Автор предложил следующую формулировку казачьей идентичности: «Казачи, конечно, природные славяне, почему, например, сумев за прошлые века ассимилировать в себе различные народности, остались глубоко русскими. Но у них есть и свое казачье нечто, и истинный казак-националист, чувствующий это, не может не гордиться <...> что у него есть своя блестящая история, традиции, взгляды и обычаи»⁶³². Как видим, казаки вновь названы русскими, но с одним очень важным нюансом: наречие «глубоко» указывает, что эта «русскость» основана не на биологических примордиалиях, а на культурных или, как было принято говорить в таких случаях, духовных началах⁶³³. «По крови» казаки отнесены к более широкой группе «славяне». Наконец, ключевой пункт, позволявший автору заявлять категорию «казак-националист», это «казачье нечто». Как и в предложенном С. А. Холмским определении сущности казачьей нации, под «казачьим нечто» «А. Г.» подразумевал прежде всего культурные феномены⁶³⁴.

Чтобы до конца разобраться с определением, предложенным «А. Г.», необходимо обратить внимание на практику употребления в дискурсе казачьего национализма понятия «славянство». Под эту категорию попадали как Россия (славянское государство)⁶³⁵, так и казаки, причем в состав этого «племени» входили все казачьи войска: «Все казаки происходят <...> из одной великой казачьей семьи, из одного славянского племени»⁶³⁶. Неинородческое население Империи

⁶³² А. Г. Казачий национализм...

⁶³³ В этой связи уместно напомнить о таком широко распространенном среди правых выражении, как «истинно русский», которое подразумевало именно свойство быть русским «по духу».

⁶³⁴ Впрочем, это вовсе не отменяло имевшего широкое хождение у «казакоманов» понятия «природный казак», то есть казак по рождению.

⁶³⁵ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 24 октября 1911. № 4.

⁶³⁶ Холмский С. Читателям // Казачьи Думы... Неславянские племена, входившие в войсковое сословие, не воспринимались как настоящие казаки. Характерны в этом смысле пометы, сделанные на черновике отчета войскового атамана за 1912 г.: в документе подчеркнуты общее число лиц войскового сословия мужского пола и количество казаков-калмыков, после чего внизу аккуратным столбиком проведена операция вычитания, с тем чтобы установить «настоящее» число «душ

также объединялось понятием «славянская народность», подобающее место в рядах которой следовало занять казачеству⁶³⁷. При этом из контекста видно, что подразумевались только восточные славяне («русское славянство»⁶³⁸). «Славянская народность» должна была следовать и особому «славянскому национализму»⁶³⁹.

Еще один нюанс, который следует учитывать, заключается в том, что тенденция закрепления имени «русские» исключительно за великороссами противоречила взглядам казачьих националистов. Скорее они были склонны воспринимать русский народ как более широкую общность велико-, мало- и белоруссов, добавляя к ним еще и казаков⁶⁴⁰. Идея «большой русской нации», культивировавшаяся национализирующимися имперскими властями, на донской почве приобрела, таким образом, своеобразное прочтение. Это своеобразие заключалось не только в расширении списка «славянских племен русского народа», но и в переворачивании смысла этой идеи с ног на голову. Вместо акцентирования внимания на существующем (несмотря на некоторые культурные различия) единстве «русского народа» казачьи националисты прилагали усилия именно к подчеркиванию казачьей особенности: только так и можно было добиться признания за казаками статуса, равного статусу других участников «русско-славянского единства».

Конечно, как и их оппоненты из «Донских ведомостей», казачьи националисты не могли отказаться от славы казаков-воинов, что привело к своеобразному «синдрому сословности». Не желая быть только «казаками-скифами, охранниками русской земли» и предлагая, например, «национальную разработку и добычу своих богатств»⁶⁴¹, казачьи националисты все же не могли отказаться от военной службы как важнейшего атрибута казачества. Утверждая, что казачество «побольше простого сословия», редакция «Голоса казачества» одновременно призывала «не забывать про это наследие наших отцов — военное дело, а наоборот, всячески совершенствоваться и учиться военной науке»⁶⁴². Можно сказать, что в идеологии казачьего национализма военная

казаков». ГАРО. Ф. 46. Д. 3628 (Отчет войскового атамана за 1912 год). Л. 6.

⁶³⁷ С. Азб. Редакционная статья // Голос казачества. 12 мая 1912. № 30.

⁶³⁸ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Вестник казачества. 27 мая 1913. № 3.

⁶³⁹ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Голос казачества. 24 октября 1911. № 4.

⁶⁴⁰ Идея широкой русской общности, состоящей из нескольких восточнославянских компонентов, пропагандировалась не только в рамках идущего из центра проекта «большой русской нации», но и на славянской периферии. Например, в «Рассказах на белорусском наречии» (Вильно, 1863) белорусская особенность соотносилась с чувством принадлежности к общерусскому народу. См.: Долбилов М. «Западные окраины Российской империи» и проблема сравнительного изучения окраин // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 401–402.

⁶⁴¹ Краснянский М. Б. Горное дело на Дону и иногородние...

⁶⁴² [Холмский С. А.] Редакционная статья // Там же. 1 октября 1911. № 1.

служба стала некой примордиалией, присущей казачьему народу. Это парадоксальное сочетание традиционалистских и модернистских установок особенно ярко продемонстрировал сам С. А. Холмский, заявивший, что служба составляет «национальную гордость казачьего сословия»⁶⁴³. В этом смысле утверждение, что «в казачестве исторически сплелись понятия национальной принадлежности и сословного положения»⁶⁴⁴, особенно характерно для проекта «группы Холмского». Роль «защитников славянского государства», «одного из важнейших органов жизни России» и «оплота государства», позволяла требовать сохранения и улучшения особых условий для казачества. Но опять-таки авторы таких требований не делали вывода об исключительно сословном характере казачества, ведь в исторической перспективе это грозило бы «рассказачиванием»: «Редакция глубоко сомневается, что <...> тысячелетний дух казачества возможно уничтожить одним решением, нужно оно или не нужно государству»⁶⁴⁵. Судьба кантонистов явно не прельщала казачьих националистов, а потому они с гневом отвергали любую попытку представить казачество как исключительно военную организацию⁶⁴⁶.

Итак, перед нами предстает сложный конструкт следующего содержания. Основным населением Империи являются «природные славяне» (но только восточные), к которым относятся и казаки как одно из «славянских племен». В то же время «по духу» казаки, наравне с великороссами и другими славянскими племенами, — русские, что, вероятно, подразумевало в первую очередь принадлежность к православию. И хотя все эти племена объединены в едином теле «матери России» и должны следовать принципам славянского (= русского?) национализма, найдется место и для сугубо казачьего национализма: «Нет слов, что при разрешении таких вопросов, как упрочение русской государственности на началах Самодержавной власти, господства русской народности в пределах Империи <...> казак, конечно, выступит тоже как националист, в широком смысле этого слова. При защите же краевых интересов Донского Войска, национализм казака должен производиться в более узком смысле этого слова»⁶⁴⁷. Итак, казачий национализм

⁶⁴³ С. Азъ. Редакционная статья // Там же. 25 марта 1912. № 25.

⁶⁴⁴ Казачий Дон. Очерки истории. Ч. II. С. 133.

⁶⁴⁵ Рвачев П. К вопросу о выходе из общины. Прим. ред. // Голос казачества. 23 января 1912. № 16.

⁶⁴⁶ См.: С. Азъ. Редакционная статья // Там же. 12 мая 1912. № 30. В своей колонке С. А. Холмский опровергает статью Курмоярова (*Курмояров И. Казачья печать* // Русский инвалид. 10 апреля 1912. № 78), в которой тот призывал сохранить «чистоту кристалла военных станов».

⁶⁴⁷ *Верхне-Чирский А.* Каким Донской казак должен быть в Государственной Думе? // Голос казачества. 25 октября 1912. 3-е приложение к № 48.

«группы Холмского» — это национализм «в узком смысле», не подразумевающий какого-либо сепаратизма, а, наоборот, сопряженный с безусловной лояльностью российскому государству, составной частью населения которого являются и которому несут военную службу казаки, славяне по крови и русские по духу, но не великороссы, а самостоятельное племя⁶⁴⁸.

Как видим, позиции двух групп националистов в вопросе о национальном самоопределении казачества были во многом близки. И те и другие были лояльны российскому государству, отрицая какой-либо сепаратизм в своих действиях, признавали себя частью русского народа и считали военную службу неотъемлемой чертой казачества. Но одни соглашались с тем, что казаки — военно-служилое сословие (которое, правда, считали «важнейшим государственным органом»), а другие, пусть и не всегда последовательно, но все же клонили к тому, что казаки — особое славянское племя, народ на военной службе. Это трудноуловимое из печатных текстов ежедневной прессы различие между донскими и казачьими националистами отчетливо проявилось при выборе ими «национального казачьего мифа», когда одни в основном повторяли традиционные сюжеты российской историографии, а другие прибегли к конструированию новой казачьей истории.

Впрочем, в своем мифотворчестве казачьи националисты в лице Е. П. Савельева не были последовательными, поэтому характерной чертой «Истории казачества» можно назвать уже упоминавшийся «синдром сословности». С «удревнением» истории казачества Е. П. Савельев «удревнял» и его военно-сословную службу. Более того, называя на страницах своего трехтомника более тридцати раз казачество народом и один раз даже нацией, Савельев до конца не был уверен, что же такое казачество, так что эти сомнения прорываются в самом тексте: «Все эти названия [Асы, Геты, Касоги, Кушаки и т. п.], разбросанные на пространстве многих веков, одного и того же народа, вернее — сословия, военной касты славян-русов, на разных языках означают одно и то же собственное имя, каким и до сего времени это военное сословие с гордостью себя называет — Ас-Саки, Касс-Саки, т. е. Казаки»⁶⁴⁹. Иными словами, «История казачества» Е. П. Савельева воспроизводила общий для проекта «группы Холмского» конструкт, согласно которому казаки несли военную службу в интересах более широкой русско-славянской общности, то есть были военным

⁶⁴⁸ Сравните с вариантом самоидентификации казака, зафиксированным еще в XVIII в.: «Я не москаль, но русский, и по закону, и по вере православной, а не природе». См.: Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1848. С. 3.

⁶⁴⁹ Савельев Е. П. История казачества. Ч. II. С. 299.

сословием, но настолько особенным, что это позволяло говорить о них как о народе и даже нации.

Таким образом, если донские националисты признавали казачество специфическим результатом развития российского общества и его неотъемлемой частью, предпочитая создавать облик «славных донцов» за счет соответствующей трактовки реальных исторических событий, то для казачьих националистов потребовалось создать псевдоисторию казачества, с тем чтобы доказать независимость его происхождения и статус самостоятельного народа, пусть и находящегося на военной службе в рамках «русского славянства».

Настоящим же индикатором, определившим позиции двух конкурировавших групп националистов по «русскому вопросу», стали выборы в Государственную думу 1912 г. Участие в предвыборной кампании подразумевало создание соответствующих политических структур, неизбежным атрибутом которых являлись программы и воззвания к избирателям. В свою очередь это вынуждало поскорее определиться с собственной позицией по всем наиболее животрепещущим вопросам, к каковым относилась и проблема самоидентификации. Конечно, можно было бы попытаться обойти эту слишком сложную проблему, и такой шаг тоже о многом бы говорил, но существовала внешняя сила, не позволявшая ее игнорировать, — ВНС. Без поддержки русских националистов шансов на успешное участие в выборах практически не оставалось.

Когда весной 1912 г. «группа Холмского» объявила о создании особой «казачьей партии» «для защиты наших законных казачьих прав и привилегий перед лицом великой России»⁶⁵⁰, уже сама форма организации политической структуры казачьих националистов показывала, что они вовсе не собирались «слиться с Русским народом в одну национальную партию»⁶⁵¹, хотя и декларировали готовность стать «казачьим отделом» ВНС. Камнем преткновения в переговорах между казачьими и русскими националистами, как отмечалось, стал вопрос об иногородних — тех же русских «мужиках». Несмотря на то, что это грозило крахом политических устремлений казачьих националистов, С. А. Холмский со своими товарищами не готов был пойти на уступки в этом принципиальном вопросе. Как следствие, идея «казачьей партии» к осени «легла под сукно», а выборы прошли без участия ее представителей. Такое развитие событий стало возможным именно потому, что в практическом измерении «русского вопроса», то есть когда дело дошло непосредственно до выяснения взаимоотношений казаков с иногородними, С. А. Холмский последовательно руко-

⁶⁵⁰ С. Азъ. Редакционная статья // Голос казачества. 25 марта 1912. № 25.

⁶⁵¹ С. Азъ. Редакционная статья // Там же. 11 августа 1912. № 38–39.

водствовался идеей казачьего национализма и отстаивал интересы казачества как особой, отличной от русских группы населения.

В следующем 1913 г. самостоятельность казачьей народности объявлялась С. А. Холмским уже эксплицитно: «казачество не может погибнуть, как не может погибнуть великоросс, черкес, киргиз или поляк, в смысле народности. Казак не перестанет быть казаком и на последней степени разорения <...>. Сделать казака непригодным для несения различных повинностей и тягот — дело нетрудное, но душу казачью не переделать»⁶⁵². В этом последнем утверждении уже намечено преодоление «синдрома сословности», так как несение «повинностей» (а главная казачья повинность — военная служба) уже не позиционируется как необходимое условие казачьей жизни. «Казачья душа» оказывается более фундаментальным понятием, не сводимым к сословной идентичности. Однако в националистическом движении «группа Холмского» оставалась на положении маргиналов, и общий упадок националистического движения не оставлял ей надежды на успешную агитацию. В результате, так же как донские националисты годом ранее, С. А. Холмский вынужден был постепенно вернуться к чисто русскому национализму, и отстаивание казачьей личности сошло на нет. Впрочем, это также не помогло, и после того как в начале 1914 г. в мертворожденной «Донской газете» Холмский в очередной раз призвал русскую нацию проснуться⁶⁵³, националистическое содержание практически исчезло из местной периодики. В газете казачьих националистов появились публикации, утверждавшие сугубо сословный характер казачества: «вечного ничего нет. Не может быть поэтому речи и о вечности существования казачества. Нужно лишь позаботиться о возможно долшем сохранении его <...> как военного сословия»⁶⁵⁴.

В отличие от «группы Холмского» донские националисты оказались куда более покладистыми в переговорах с ВНС, хотя и они до начала предвыборной кампании 1912 г. не щадили иногородних в своей пропаганде. Исключением из этого общего негативного отношения к русскому крестьянству стали торжества по поводу пятидесятилетия отмены крепостного права, в ознаменование чего редакция «Донских ведомостей» разразилась призывом слиться «в общем нашем, родном, национальном русском празднестве» и пожелать «нашим *братьям по крови*, свободным крестьянам, крепкой веры в мощь русского народа»⁶⁵⁵. За исключением этого, во многом ритуального, заявления,

⁶⁵² [Холмский С. А.] Редакционная статья // Вестник казачества. 9 июня 1913. № 7.

⁶⁵³ Х. [Холмский С. А.] Редакционная статья // Донская газета. 10 января 1914. № 3.

⁶⁵⁴ Ларин Ф. Земельный вопрос на Дону. IV // Вестник казачества. 24 ноября 1913. № 55.

⁶⁵⁵ [Холмский С. А.] Редакционная статья // Донские областные ведомости. 19 февраля 1911. № 40.

публикации донских националистов не позволяли усомниться в их негативном отношении к иногородним.

Когда же дело дошло до необходимости наладить сотрудничество с ВНС, риторика текстов донских националистов переменилась. Теперь уже речь шла не об «иногороднем элементе», а об «единокровных гостях», а противоречия с «близким по духу, по крови» населением уже не считались такими неразрешимыми: «Нужно найти во имя блага единого государства ту дорогу, по которой не тесно идти всем, на которой нам не придется уступать друг другу место»⁶⁵⁶. Кроме этих декларативных заявлений, каких-то реальных предложений по устройству жизни на Дону, в отличие от С. А. Холмского донские националисты не представили. Это избавило их от нежелательной конфронтации с ВНС и позволило создать ДСН. Более того, в качестве желательных членов союза назывались лица, «принадлежащие к коренному русскому населению»⁶⁵⁷. Этот окончательный поворот в сторону сугубо русского национализма был закреплён в воззвании к избирателям: «Партия националистов — это самая старинная русская, чисто народная партия»⁶⁵⁸. Отдельные заявления о том, что донские депутаты должны «отстаивать в 4-й Государственной Думе <...> чисто краевые казачьи Донские интересы»⁶⁵⁹, уже не могли изменить общей картины. Симптоматично в этом смысле было появившееся в «Донском крае» обращение к избирателям, автор которого апеллировал не к казачьей, а именно к русской идентичности: «Русские люди, действуйте <...> дружно, поддерживайте своих, посылайте в г. Думу <...> людей по духу вполне русских»⁶⁶⁰. Таким образом, в стремлении добиться поддержки со стороны ВНС и привлечь на свою сторону как можно больше избирателей донские националисты отказались от «казакманской» составляющей своего националистического проекта, однако это не принесло им успеха.

Идеология национализма на Дону в начале XX в. представляет собой особо интересный случай ввиду специфики региона, население которого обладало особой идентичностью. Природа этой идентичности, была ли она национальной, этнической или сословной, остается предметом споров, но само ее существование, отделявшее казаков от остального населения России, несомненно. При этом казачья иден-

⁶⁵⁶ Янов Г. Смыкайте ряды...

⁶⁵⁷ ГАРО. Ф. 55. Оп 1. Д. 681. Л. 4.

⁶⁵⁸ Воззвание «Донского Союза Националистов» к избирателям...

⁶⁵⁹ Л. Задачи наших казаков депутатов в 4-й Государственной Думе // Донской край. 6 октября 1912. № 6.

⁶⁶⁰ *Националист*. Избиратели г. Новочеркаска! // Там же. 10 октября 1912. № 9.

тичность была настолько сопряжена с лояльностью к государству и «русскости», что в имперской этнополитике казаки считались условно «желательным элементом» и использовались для колонизации инородческих окраин. Этому способствовала заложенная российской историографией традиционная точка зрения на казачество как на имеющее русское происхождение.

Правое движение на Дону было преимущественно «казакоманским», то есть ориентировалось в первую очередь на защиту прав и привилегий казаков как военно-служилого сословия. Заимствованный у ВНС политический национализм поставил перед местными интеллектуалами, воспринявшими его, крайне сложную проблему, так как его источником была организация русских националистов, а потому эта идущая из центра российской политической жизни идеология несла в себе заряд унификации по отношению к периферии, в том числе и для Войска Донского. Но для новочеркасских националистов такая унификация означала утрату казачьей «самости», следствием чего стала попытка адаптировать идеологию национализма к местным условиям так, чтобы она не вступала в противоречие с установкой на сохранение казачества как самостоятельной группы населения и в то же время удовлетворяла бы требованиям ВНС. Спор о том, каким образом должна была быть осуществлена подобного рода адаптация, привел к возникновению конкурирующих националистических проектов, которые, однако, оказались внутренне настолько противоречивыми, что рассыпались при первых неудачах их реализации.

Донские националисты ставили перед собой задачу, признавая единство русских и казаков, в то же время отстаивать специфический уклад казачьей жизни, то есть не допустить растворения войскового сословия в общей массе русского населения. По большому счету, идеология этой группы представляла собой сословно-территориальный патриотизм в рамках русского национализма. Причем необходимость покровительства со стороны ВНС в момент парламентских выборов диктовала отказ от защиты специфически казачьего образа жизни в пользу пропаганды общерусского национального единства.

Казачьи националисты, будучи не в силах отказаться от военной службы как неотъемлемого атрибута казачества, в то же время заявляли о самостоятельном казачьем племени. И одновременно они не желали совсем разрывать связи с Россией, поэтому вписывали казачество как самостоятельный элемент в сложносоставное русско-славянское единство. Фактически они оказались заложниками «колеблющейся идентичности» и балансировали между признанием казачества военным сословием русской нации и выделением его в самостоятельный народ. В разных публикациях чаша весов склонялась то в одну, то (намного чаще) в другую сторону, но окончательно определить свою по-

зицию в этом вопросе, сделать решающий шаг в направлении, условно говоря, «национализации» казачества, участники «группы Холмского» так и не решились. В качестве причин можно указать как банальные трудности политического характера, которые должны были последовать за провозглашением самостоятельной казачьей нации (обвинения в сепаратизме, маргинализация, давление со стороны имперских властей), так и, что более вероятно в случае «группы Холмского», устойчивость традиционного взгляда на казачество как на существующую в рамках российской государственности и тесно связанную с русским народом военную общину, который мы условно обозначили понятием «синдром сословности». Впрочем, «синдром сословности» в какой-то мере был присущ всему донскому казачеству. По мнению В. П. Трута, субъективно все слои казачьего населения были настроены против возможного упразднения сословной организации из-за «наложения» сословного и этнического факторов⁶⁶¹. Но, являясь отражением общих для донских казаков настроений, «синдром сословности» был для казачьего национализма своеобразной «болезнью роста», которая должна была быть со временем преодолена за счет окончательного утверждения казачества в статусе самостоятельного народа/нации, тенденции к чему можно наблюдать в публикациях «группы Холмского» в 1913 г. Неблагоприятная политическая конъюнктура отсрочила эту трансформацию на пять лет, до тех пор пока идея казачьего национализма не была реализована в рамках Все-великого Войска Донского под руководством атамана П. Н. Краснова. Но это был уже другой проект.

⁶⁶¹ Трут В. П. Казачий излом (Казачество Юго-Востока России в начале XX века и в период революции 1917 года). Ростов н/Д, 1997. С. 55.